

Ирина Жадан
Влюблённое зеркало

рассказы



Ирина Жадан

Влюблённое зеркало. рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18912355

ISBN 9785447474270

Аннотация

Сборник «Влюблённое зеркало» объединяет романтические рассказы, написанные легко, с мягким юмором и любовью. Персонажи, как утверждает автор, – самые обыкновенные. Однако они часто оказываются в различных обстоятельствах – как обыкновенных, так и довольно необычных. Доброта, полёт фантазии, немного мистики и жизнерадостность создают особую атмосферу на страницах сборника.

Содержание

Besame mucho1	5
«Tea for two»3	17
Аквамариновая лошадь	28
Аргентинское танго	32
Брошенный в небо	47
Брошенный в небо. Продолжение	53
Жорж и Катя	57
Интервью на рынке	70
Жертва моветона	71
«Жди меня в пресветлом граде...»	73
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Влюблённое зеркало

рассказы

Ирина Жадан

Стеклянный Сириус

И мерный шум дождя,

И моря шелестящие покровы...

Из жизни, как с чужбины, уходя,

Кто смог все это обозначить словом?..

Автор.

© Ирина Жадан, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Besame mucho¹

*Я в ожидании живу,
как в зимнем доме.*

*Заиндевелый лес со всех сторон, и кроме
одной лыжни, столь дерзкой, как надежда,
нет у меня других дорог, как прежде.*

*И знаю я, куда моя лыжня стремится,
и завтра утром полечу по ней, как птица.*

*Но нет надежды на земле огромной, кроме
лыжни, что вижу из окна я в зимнем доме.*

Автор.

Анжела приехала на кафедру поздно. Собрание уже закончилось. Она прошла через огромную лабораторию с гудящим трансформатором и внушительными макетами. За стендами маячили головы студентов: заканчивалась последняя пара.

Поворот, три полукруглых ступеньки вверх; дверь открыта. В маленьком классе было тихо. Навстречу вошедшей Анжеле поднял голову незнакомый студент. Нет, на студента он непохож. Смуглое лицо, черные кудри. Кремовый костюм с иголки, галстук. Он встал и вышел ей навстречу, вопросительно улыбаясь:

¹ «Целуй меня крепче» (исп.) ru.wikipedia.org/wiki/Besame_mucho

– Добрый вечер. Позвольте представиться: Родригес. Марсиаль Родригес. Стажер.

– Анжела. Младший научный сотрудник.

Она подала ему еще холодную после весеннего дождя ладонь. Он слегка пожал ее маленькие пальцы; поцеловал их, наклонив голову. Кудри рассыпались.

Подняв голову и не отпуская руки, он посмотрел в ее прозрачно-зеленые глаза долгим бархатно-черным взглядом

Звонок прозвенел с оглушительностью корабельной сирены.

Работа в секторе профессора Нежебовского была интересной и перспективной. Анжела засиживалась на кафедре допоздна, поглощая горы полученной по заказам литературы и просматривая протоколы экспериментов. Предмет ее исследований был классическим, но в процессе работы ей удалось найти оригинальный подход к проблеме. Готовилась к публикации основательная статья.

Весна долго оставалась хмурой и серо-дождливой. В аспирантском общежитии было зябко и оттого – неуютно. Анжела, приходя в свою комнату, зажигала ночник и тенью скользила по маленькому пространству. Ее «сокамерница», как она сама себя называла, белокурая болтушка Лиля, была ярко выраженным «жаворонком».

Родригеса Анжела видела еще несколько раз на кафедре. Замечая ее, он грациозно застывал, значительно глядя тем-

ными, искристыми в глубине, глазами. Его стажировка проходила в группе с малопонятным названием, больше похожим на условное обозначение стратегически важной единицы.

В начале яркого южного лета на кафедре, по традиции, отмечали дату ее образования. На праздник собрались многочисленные сотрудники всех секторов и «Центра», как называли резиденцию главы всего этого хорошо налаженного механизма.

Анжела чувствовала себя немного «мелкой» среди известных всей стране, а многих – и за рубежом – физиков. Но авторитетом подавлять здесь никто не собирался. Очень скоро установилась дружеская атмосфера. Анжелу приняли в круг общения. Она перестала ощущать себя нескладным подростком, была естественна и весела.

Наискосок напротив нее за столом сидел Родригес. Время от времени он принимал участие в общей беседе, ненавязчиво и к месту высказывая интересные замечания и обращаясь, главным образом, к Анжеле. Она согласно кивала в ответ. Потом он прямо к ней обратился с каким-то вопросом. Анжела не сразу расслышала за шумом застолья. Оба рассмеялись.

«Музыку!» – потребовали физики. Лаборант Володя, заведовавший акустическим обеспечением праздников, побежал к загроможденному аппаратурой углу. Раздался тради-

ционный, любимый всеми присутствующими, вальс-бостон. Родригеса за столом уже не было.

– Разрешите, – он подал Анжеле руку, помогая выйти из-за стола.

Они плавно кружились среди немногих пар. Постепенно они остались вдвоем. Широкая юбка Анжелы летала веером, изящные «лодочки» ритмично скользили по паркету. Родригес уверенно вел ее в танце. Черные душистые кудри касались лица Анжелы. С последним аккордом Родригес остановился, словно поставил точку, и удержал Анжелу. Он шепнул ей в висок: «Не уходите». Губы скользнули по виску, теплое дыхание коснулось волос.

Анжела действительно намеревалась незаметно уйти. За столом шумно спорили физики и «лирики» – но все равно, конечно, физики.

Принесли гитару.

Солнце зашло. Распахнутые на морской горизонт окна стали фиолетовыми. Свежее дыхание моря смешалось с ароматом жасмина из приморского парка.

Родригес взял гитару. Смуглая рука с продолговатыми пальцами и овальными ногтями коснулась струн. Сверкнуло тяжелое рельефное кольцо.

Они ушли вместе.

В ароматной тени магнолии он повернул к себе ее плечи и поцеловал ее долгим настойчивым поцелуем.

Анжела мягко, но недвусмысленно отстранилась.

В просторном холле общежития они расстались: Родригес жил в «люксе» на первом этаже. Анжела нажала кнопку лифта и улетела на свой «чердак».

Летом на кафедре было солнечно и пустынно. Аудитории стояли запертыми. Сотрудники разъехались в отпуска. Анжеле надо было закончить экспериментальную часть к возвращению шефа. Она днями пропадала в лаборатории. Володя добросовестно помогал ей. Рабочая гипотеза подтверждалась. Это придавало сил быстрее закончить большую и интересную работу.

Уходя домой в пятницу, Анжела у выхода из института увидела Родригеса, который задумчиво курил на ступеньках. Повернув голову, он отбросил сигарету и подошел к Анжеле.

– Вы так много работаете.

Она улыбнулась: «Приходится».

Они медленно пошли по аллее вдоль строя кипарисов.

– Сегодня вечером мы будем кататься на лодке.

Фразу он произнес старательно, почти без акцента. Глаза смеялись.

– Сегодня вечером... – Анжела хотела возразить, но предлог не придумался сразу.

– ...мы будем кататься на лодке, – весело подсказал Родригес, словно заучивая урок лингвистики.

Она тоже рассмеялась.

Они отплыли далеко от темного пологого берега. Марсиаль бросил весла. Анжела сидела на зыбкой корме. Над головой фосфорически мерцали мириады звезд. Белыми копьями пролетали метеориты. Легкая лодка покачивалась на мелких, словно серебристые рыбешки, волнах. От малейшего движения лодка кренилась. Вода казалась черной и наполненной сказочными чудовищами. Анжела попросила Родригеса вернуться на берег. Поднимая веслами светящиеся буруны, он стал грести к берегу.

Взошедшая луна, словно камелия, таяла ароматом света. Море шелестело прибоем, тащившем гальку с отмели.

Анжела сидела на краю лодки и улыбалась, глядя на далекое сияние города за скалистым мысом.

Марсиаль припал к ее коленям:

– Анжела!

Она молчала. Он горячо целовал ее руки, пряча свое лицо в ее прохладных ладонях.

– Анжела...

– Нет, Марсиаль.

– Но почему? Ты любишь меня.

– Нет.

Он положил голову ей на колени. Анжела перебирала его темные кудри.

– Марсиаль, мне пора уходить.

– Тебя никто не ждет.

– Это неважно.

– Это важно. Я тебя жду. Останься.

– Нет.

Он поднял громадные глаза, в которых отражались звезды. Она коснулась его виска.

– Нет. Не сейчас.

Он встал и поднял ее, как хрупкий цветок:

– Когда? Скажи, когда?

Анжела вздохнула и, закрыв глаза, сказала наугад:

– Пусть пройдет еще месяц.

Он закружил ее, целуя лицо и разметавшиеся волосы.

– Через месяц ты придешь. Я буду ждать.

Анжела была счастлива. Глядя из окна, как Марсиаль утром уходит по ступеням общежития, она не могла остановить громкого стука сердца. Нечаянно встречаясь с ним на кафедре, она ловила только ей предназначенный взгляд.

Он все последнее время был сильно занят. Анжела знала, что его считают одним из немногих крупных специалистов в его области исследований.

Она жила, окруженная любовью, как золотым туманом. Родригес не торопил ее. Она чувствовала, что это время мечты и ожидания не повторится, и ей было немного жаль.

Перед рассветом ей приснился ее двоюродный брат, семнадцатилетний Левушка. Родители называли его Львом, но вырос он хрупким и нежным. Приезжая в гости к тете

в соседний приморский город, Анжела поддразнивала маленького кузена: «Ну какой ты Лев? Ты даже не львенок». Характером Левушка был тих, задумчив и светел. «Не жилец он на белом свете», – сокрушалась мать и жаловалась Анжеле, что Левушка, и взрослея, не становится «как все люди».

Во сне Анжела видела, как Левушка прямо и неподвижно стоит лицом к иконам в своей комнате. Огонек лампадки покачнулся. Она проснулась почти сразу и подумала: «Молись обо мне, Левушка. Я так хочу быть счастливой».

Дни летели все быстрее. Марсиаль, встретив Анжелу в гулком коридоре института, сжал горячей рукой ее хрупкие пальцы: «Ты не забыла? Я помню».

В ответ она погладила его щеку.

В дверь комнаты общежития настойчиво постучали. Анжела, очнувшись от своих мыслей, открыла. Девушка из соседнего холла подала ей телеграмму и сказала сочувственно: – Крепись, дружок.

Анжела развернула бланк. Тетя сообщала, что Львенка больше нет.

Анжела собралась, оставила записку Лиле. Задержавшись на пороге, оглянулась: я скоро вернусь. Здесь я была счастлива своим ожиданием.

Автобус вез ее по извилистой горной дороге. На стекло звонко шлепались прозрачно-серые капли летнего дождя.

В доме тети собрались родственники. Левушка лежал среди кипарисовых ветвей и зеленовато-белых хризантем. Тихо горели свечи. В комнате еще клубились синеватые завитки кадыльного дыма. Анжела приложила к венчику на неподвижной голове.

Через три дня она снова ехала по горной дороге, возвращаясь. Светлая скорбь смешивалась в сердце с радостью ожидания встречи.

В комнате что-то весело напевала Лиля. Увидев Анжелу, она с разбега бросилась ей на шею и заглянула в лицо весело-сумасшедшими глазами.

– Что это с тобой? – Анжела привыкла к бурным эмоциям подруги, но тут чувствовалось что-то особенное.

– Отгадай! – Лиля закружилась по комнате, напевая: «When somebody loves You...»²

– Понятно. В тебя кто-то влюбился. Или ты. Или оба.

– Да, да, да.

Анжела смотрела на запрокинувшую голову и тихо смеющуюся Лилю, в чьих глазах отражалась мечта. «Как все наивно. А я – разве я не такая же? И у меня, наверно, был такой же глупый вид. Это любовь. Это – любовь?..»

Лиля тихо говорила, бесцельно бродя по комнате и дотрагиваясь до вещей, которых она явно не видела:

– Я была с ним на городском семинаре. Нас отправили

² www.youtube.com/watch?v=B85ZNio9jZs

вдвоем от института. Мы целый день были вместе. После семинара мы бродили по улицам. Как чудесно!

Анжела решила направить беседу в более спокойное русло:

– Ну, и кто он – если не секрет?

В тишине прозвучало, как поцелуй:

– Марсиаль Родригес. Ты знаешь его?

Ощувив глухую волну досады и нарастающую отчужденность, Анжела сдержанно ответила:

– Нет.

– Странно, а говорят, он стажирруется на вашей кафедре.

– У моего шефа нет стажера с таким именем.

– А по сторонам ты, конечно, не смотришь, – Лиля снисходительно засмеялась.

– Конечно, нет.

К Анжеле уже вернулся ее холодно-насмешливый тон.

На следующий день ученый секретарь кафедры попросил Анжелу занести Родригесу в общежитие вызов на конференцию.

Не подавая вида, что ей не совсем удобно выполнить поручение, Анжела согласилась.

Она медленно пошла домой по дороге мимо строя кипарисов.

В общежитии было прохладно.

Подойдя к «люксу», она услышала музыку.

Собравшись с духом, Анжела постучала.

Дверь медленно открылась. Музыка превратилась в оглушительный рев. В коридор поползли извивы сигаретного дыма.

Родригес был тяжело пьян. Придерживая рукой дверь, он вышел в коридор. Анжела чуть отступила.

Он посмотрел на нее огромными зрачками и с силой сказал, ударив кулаком по стене:

– Ты придешь завтра. Уже завтра.

– Завтра будет завтра, – отступая еще, сказала она вполголоса и зачатила каблуками по коридору.

Всю ночь она сидела, глядя перед собой невидящим взглядом.

Когда чуть посветлело, Анжела накинула летний плащ с капюшоном и вышла на улицу. Из сплошного молочно-белого тумана вдоль дороги выступали пирамиды кипарисов. Пахло водорослями.

Она вышла на полосу прибоя, оставив за спиной стену непроницаемого тумана, скрывающую берег. Впереди такая же плотная завеса светлой мглы колыхалась над бегущими волнами.

Длинные звуки звонкого шороха обозначали полосу прибоя.

Протяжно перекликались невидимые чайки.

Анжела стояла лицом к морю, вдыхая соленые брызги

и пресную свежесть тумана.

Близкий маяк, ровно горя желтым светом, высился громадной свечой.

Плечам становилось тепло: где-то высоко и далеко за туманом из-за гор вставало солнце.

Вместо эпилога

Я становлюсь спокойнее и проще.

В душе моей так чисто и светло,

как будто бы березовая роща

стоит в росе.

Еще не рассвело.

Туман лежит в ложбинках сизым дымом.

Сияет небо ясной глубиной.

Печаль о чем-то бывшем и любимом

уходит в ночь

с последнею

звездой.

«Tea for two»³

*Нет, не молчи. Мне не по силам нежность
Невыносимо больше бремя взгляда.
Глаза твои – как утренняя свежесть
Безветренной порою листопада.
В безмолвии душа нагая плачет.
Совлечены с нее покровы тайны.
И только мокрые ресницы прячут
Сокровище мое – твой взгляд случайный.*

Автор.

Тамара получила официальное уведомление о сокращении и расписалась. Новый инспектор отдела кадров не сочла нужным смягчить удар и сухо сказала:

– Искать работу – Ваше дело. Просите начальника, чтобы он отпускал Вас пораньше. Тамара, держась излишне прямо, кивнула в ответ и вышла в коридор.

Начальника, старого Шейкмана, отправили на пенсию; группы бестолково объединили в одну пеструю «кучу». Вопрос о том, кто возглавит эту «кучу экскрементов», оставался открытым. Впрочем, ей теперь это безразлично. Безразлично.

Она зашла за своей подружкой в копировку. Ольга собралась, и они пошли на троллейбусную остановку. Как ни ста-

³ Чай для двоих (англ.), румба <http://www.vilavi.ru/pes/140712/140712.shtml>

ралась Тамара выглядеть спокойной, щеки ее пылали. Ольга еще вчера получила уведомление.

По дороге к ней присоединился Паша, тоже из группы Шейкмана. Он изо всех сил старался оживить обстановку дурацкими, но самоотверженными шуточками. Недосказав очередную историю, Паша сказал Тамаре:

– Пока тебя не было, кое-что произошло. Тамара только пожала плечами.

В троллейбусе их веселье продолжалось. Каждый раз, поднимая глаза, Тамара встречалась со спокойным взглядом стоящего напротив джентльмена. Вздвинувшись целым днем «показательных выступлений», она почти в конце маршрута церемонно обратилась к нему:

– Тамара Александровна, – и протянула дощечкой ладонь.

Он, ничуть не растерявшись, принял вызов и слегка пожал ее руку. Она выдернула пальцы, разозлившись на его спокойствие. Ольга засмеялась. Паша оглянулся на джентльмена и толкнул Тамару:

– Томка! Это новый Шейкман, тихо.

На остановке джентльмен невозмутимо вышел.

Утром Тома на работу опоздала. Это было своеобразной формой протеста. Придя около десяти часов, она стала убирать в столе, чистить печатную машинку, протирать зеркало, когда-то намертво приклеенное к чертежной доске. Хотела оторвать его, но это оказалось невозможным. «Что ж, пусть будет вместо мемориальной доски на моем – бывшем моем –

рабочем месте.

Джентльмена звали Дмитрий Андреевич Горин. Тамара сказала Паше: «Вот и у нас есть свой лорд Горинг». Паша засмеялся

В три часа Тамара подошла к начальственному столу и в настороженной тишине вызывающе сказала:

– Мне необходимо искать работу. Я ухожу раньше.

Лорд Горинг спокойно посмотрел на нее и отпустил коротким движением ладони. Она немного обиделась на обыденность реакции.

Где искать работу, Тамара не имела ни малейшего представления. В центре занятости ей предложили пойти приемщицей стеклотары или переучиться на штукатура. Эти перспективы ее вдохновляли мало.

Медленно идя домой через парк, она рассматривала неподвижные аттракционы с облупившейся после зимы краской и скованные цепями калитки. На кассе трепетал белый листочек объявления. «Требуются».

Тамара подошла и прочитала: «... контролеры-посадчики на аттракционы».

«Вот, пожалуйста. Все решено».

Она тут же прошла в клуб, встретила с директрисой и договорилась, что пока будет приходить только во вторую смену, после трех часов.

На следующий день она пришла сразу из института в парк. Там уже собралась бригада. Им выдали краску, кисти. Как

самую высокую, Тамару отправили красить колесо обозрения. Оно стояло на пригорке, открытое всем ветрам. Работая, Тамара напевала: «И крашу, крашу я заборы...»

Дома пришлось долго оттирать желтую краску от рук, штормовки и лица. На следующий день Тамара пришла в институт с мелкими «веснушками» на лице, которые так и не удалось оттереть. Голос пропал. Она знаками объяснила лорду Горингу, что нашла работу. Он знаками показал ей, что очень рад за нее.

После второго «красочного дня» у ее распухло горло. Одно ухо слышало окружающие звуки как бы из-под воды; другое было тупо-глухим.

Лорда Горинга принимали в коллектив. Учитывая административные репрессии в связи с государственной трезвостью, он сразу сказал Олегу и Паше: «Нет, ребята-демократы, только чай». К чаю был торт. Чертежница Галя принесла мед; Олег достал из тумбочки свое фирменное «деревянное» варенье из сосновых почек; Паша сбегал за лимоном.

Тамара сидела вялая от повышающейся температуры. Ее решили отпустить домой. Она была и рада, и немного расстроена: хотелось посидеть со всеми. Лорд Горинг подошел к ней и сказал:

– Идите. Не расстраивайтесь. Что касается чая, то я как-нибудь приготовлю его лично для Вас.

Она просто посмотрела на него, устав иронизировать.

– Чай вдвоем? Это старомодно.

– А я вообще старомодный, – он улыбнулся и проводил ее до двери.

В парк она больше не пошла.

Через неделю, когда от простуды остался только насморк, она вышла на работу в институт. Там затеяли ремонт. Руководство намеревалось после сокращения сдать весь этаж в аренду. Ремонт делали силами сокращенных. Олег и Паша таскали мебель и огромные кадки с лимонными деревьями. Галя с Тамарой мыли полы и двери. Лорд Горинг был в командировке.

В обед все сидели за единственным столом посреди полупустой комнаты. На полу еще были заметны следы побелки. Окна без портьер казались огромными.

Глядя на грустную Тамару с распухшим носом и слезящимися глазами, Паша спросил:

– Ну, что там у тебя с работой?

Тамара махнула рукой и закашлялась.

– Я придумал: пеки торты.

Тамара посмотрела на него изумленно. Олег подхватил:

– Томка, ты будешь великолепно смотреться! Прикинь: идешь ты по Первой Линии, нарядная, веселая, с тортом в руках. Торт в виде корабля с алыми парусами. Ты – как живая Ассоль. Все оглядываются и... покупают!

– Ассоль?

– Нет... Прости.

Она сделала вид, что хочет щелкнуть его по носу.

Лорд Горинг приехал на два дня и снова уезжал. Собирая для него техническую документацию, Тамара немного расстроилась. Галя сделала последний чертеж; Тамара сложила все и отнесла ему на стол.

– Спасибо, – он посмотрел на нее и опустил глаза.

Она кивнула и отошла.

Началась последняя неделя. На всем этаже был полный разгром. В комнате оставались только шкафы со старыми альбомами и тумбочка с телефоном. Тамара сидела у телефона и звонила по объявлениям. Все было безрезультатно: или уже занято, или ее данные не подходили.

Галя подала ей газету с красной отметкой. Известной в городе фирме требовался переводчик с высшим техническим образованием. Тома покачала головой: столько лет без практики! Галя настаивала:

– У тебя же есть право преподавать «машины» на английском! Вспомни свой диплом!

– Ну да, я была последней идиоткой, защищая «Орбитальный генератор» на языке Шекспира и Бернса.

Галя трясла ее за плечо:

– Ты же и здесь работала с патентами США!

– И Великой Британии! – Тамара встала по стойке «смирно» и запела: «Правь, Британия!»

Резко оборвав гимн, она взяла газету и набрала номер.

Против ожидания, ей назначили встречу в резиденции

главы фирмы. Район оказался дальним. Нужен был целый день. Договорились на понедельник – она будет уже совсем свободна.

Настал последний день.

Тамара, отчаявшись собрать всех вместе, ходила по этажу и прощалась.

Лорд Горинг уже приехал.

Она подошла к нему, когда он пытался открыть угловое окно, замурованное навеки. Ребята выносили оставшиеся шкафы.

Услышав ее голос, он отряхнул руки и повернулся к ней. На щеках теплел темный румянец.

– Прощайте, Дмитрий Андреевич. Я ухожу.

– Совсем?

– Совсем.

– Тамара!

– Да.

– Нет, ничего.

Она посмотрела в сторону и улыбнулась.

– Дмитрий Андреевич!..

– Да, Тамара.

– Вы ведь не хотите, чтобы я уходила.

Он молчал.

Перешагнув паузу, как ручей на асфальте, она добавила:

– И я не хочу...

Он чуть поднял голову, прислушиваясь.

– ...чтобы я уходила...

Глаза их медленно встретились.

Шумно вошли ребята, стали двигать к выходу последний шкаф.

– Тамара, позвоните мне на следующей неделе, – поспешно сказал Горин.

Тамара повернулась к ребятам:

– Пока, амигосы. Встретимся в центре занятости.

Все кисло улыбались.

Она хлопнула дверью и побежала вниз.

В понедельник, добравшись на автобусе до названной по телефону остановки, она прошла по незнакомой улице и увидела на площади «замок». Свернув за ближайший дом, она достала из сумки парадные туфли, переобулась, поправила прическу и подкрасила губы. Все.

У входа ее встретил статный охранник в берете. После необходимых формальностей, он пропустил ее внутрь.

Не слыша своих шагов, она поднялась по сумрачной лестнице, устланной темной дорожкой, и вошла в приемную. Большеглазая секретарша с безукоризненной фигурой доложила шефу о Тамаре. Он сам вышел навстречу. Тамара увидела чуть жестокое лицо в лучших традициях Голливуда и умные холодные глаза.

Они прошли в кабинет.

Его фиолетовый костюм сверкал клубничной искрой. Тамаре это что-то напомнило, но нельзя было отвлекаться

на мелочи.

Он пригласил ее сесть лицом к окну и сел сам к затененной стороне стола.

Перечисляя все, что могло ее выделить среди других претенденток, она вспомнила, как после собеседования ее когда-то пригласили дилером на только что возникшую биржу в Санкт-Петербурге. Может, и здесь повезет.

Говоря, она слышала, как ее голос бесследно тонет, лишь достигая тяжелых портьер, мягкой мебели и толстого ковра.

Хозяин встал. Она тоже поднялась, умолкнув.

Он подошел, не потрудившись прервать затянувшуюся паузу.

– Я беру Вас, – это прозвучало довольно двусмысленно.

Тамара предпочла этого не заметить.

Выдержав его взгляд, она попрощалась и вышла в приемную.

Секретарша оглянулась на дверь и спросила:

– Как решился Ваш вопрос?

– Положительно, – ответила Тамара.

– Пойдите.

Тамара подошла ближе. Секретарша быстро сказала:

– Вы достаточно хорошо представляете, в чем будет состоять Ваша работа?

– Думаю, что да.

– Вам придется находиться на работе почти все время. Здесь; на встречах, на банкетах, в гостинице. Вы понимаете?

Днем и ночью. Вам это подойдет?

– Думаю, что нет.

Дверь открылась, и он вышел в приемную. Секретарша с отсутствующим видом поливала цветы. Скользнув по ней взглядом, он повернулся к Тамаре и улыбнулся. Тамара не улыбнулась и вышла.

Охранник у выхода медленно подошел и стал возиться с замком. Повернув голову, он посмотрел Тамаре в лицо, придерживая все еще закрытую дверь. Встретившись с ее отчаянным взглядом, он нехотя отворил решетчатую калитку и выпустил ее.

Отойдя подальше, она переобулась и побрела по тенистой аллее.

К ногам подкатился мяч. Она повернула голову, увидела остановившегося в нерешительности вратаря и дальше – всю шумливую команду; улыбнулась им и звонко пнула мяч, не жалея старых туфель.

На углу дома висел телефон. Тамара подошла, вздохнула поглубже и набрала знакомый номер. Никто не отвечал. Тамара глянула на часы. Был перерыв. Уже отняв трубку от уха, она услышала голос лорда Горинга:

– Да.

– Это Тамара. Есть новости?

– Да.

– Хорошие?

– Да, – в его голосе она заподозрила что-то чудесное.

Замерев сердцем, она спросила:

– Какие?..

– Тамара... Приезжай. Сейчас.

Она закрыла глаза, улыбаясь.

– Вы уже приготовили чай?

– Я успею, пока ты доберешься.

– Еду!

Она повесила рубку и быстро пошла к остановке.

Болтаясь в старом автобусе, она смотрела в окно. Солнце согревало ее сквозь пыльное стекло.

На рынке надо было сделать пересадку. Она соскочила с автобуса и нырнула в толчею людей и машин. Светофор не работал. Автомобили столпились; людской поток обтекал их, отливая от проносющихся по Первой Линии машин.

Тамара пропустила плывущий троллейбус и стала догонять последних пешеходов. Слева раздался шорох. Она еще увидела напряженное лицо и азартные глаза.

... Чай остывал на свежевывытом подоконнике.

Аквамариновая лошадь

Рекламный ролик

сотовой связи. Ретро.

Весна. Цветущая поляна в диком пригородном лесу.

Из темных зарослей на поляну выбирается Кулисс – оруженосец странствующего рыцаря Кроланда. Он падает на траву и тяжело вздыхает.

Следом на поляну выходит сам странствующий рыцарь Кроланд. Его мечтательный взгляд обращен к небесам. Он бормочет стихи, взмахивая в такт рукой, бредет по поляне, спотыкаясь о пни. Стучат меч, гитара, кастаньеты, челюсти.

«О прекрасная Надинда!» – вдруг вскрикивает Кроланд и падает на колени. Кулисс просыпается и кричит, дико озираясь. Кроланд продолжает: «Умру! О прекрасная дама Надинда!».

Кулисс садится на траву и причитает: «Не умирайте, хозяин! Время обедать! Настоящие рыцари сначала обедают, потом умирают».

Кроланд прислушивается к нытью Кулисса. Немного подумав, Кроланд бодро распоряжается: «Слуга! Неси этот.. походный...». Кулисс опрометью вскакивает и откуда-то из зарослей приносит корзину с едой. «Презренный раб низкой прозы! – кричит Кроланд. – Я сказал – принеси мой

походный гроб!»).

Кулисс нехотя идет в заросли и возвращается с раскладным гробом, на ходу вытирая рукавом надпись мелом на боковине: «Прощай, Валинда!».

Рыцарь Кроланд укладывается в гроб на поляне и торжественно заявляет: «Не вкушу пищи, пока прекрасная дама Надинда не ответит мне взаимностью!»

Кулисс снова начинает ныть: «Хозяин! Прекрасных дам много, а Вы один такой странствующий-престранствующий рыцарь! Вас надо беречь».

«Вот и береги, – отзывается Кроланд из гроба. – Оруженосец ты, а меч я сам таскаю».

«Как же тут беречь, – заявляет Кулисс, вскакивая с негодованием, – когда Вы есть в обед отказываетесь? Сказано: обед раздели с оруженосцем. А Вы? У прекрасной дамы Надинды сейчас небось тоже обед».

Кроланд, закрыв глаза, бормочет в гробу: «Ах! Ах!! Ах!!! Какие корнишоны!».

...Кулисс, повязав слюнявчик на шею рыцарю, который упрямо продолжает лежать в гробу, кормит его с ложечки, приговаривая: «Одно другому не мешает. Страдайте себе на здоровье. Но кушать надо в любой обстановке. Стихами сыт не будешь».

...С другой стороны поляны из кустов выходит прекрасная дама Надинда в полумаске, с полевым биноклем. Кружевной шлейф волочится по траве, цепляясь за пни.

Первым ее замечает Кроланд. Мощной дланью он отшвыривает оруженосца в кусты за поляной и выскакивает из гроба навстречу Надинде. Споткнувшись о пень, падает к ее ногам.

– Ах, как это мило! – жеманно говорит Надинда. – А я гуляю, птичек слушаю.

– Каких птичек? – озадаченно спрашивает Кроланд, потирая ушибленное колено, вывихнутую руку, поцарапанный лоб и выплюнув выбитый зуб.

– Ну... этих... археоптериксов...

Надинда нежно развязывает слюнявчик на шее Кроланда, смущенно сморкается в него, вешает слюнявчик на куст шиповника, затем падает в обморок на руки рыцарю. Взвесив... обстановку, Кроланд ставит на землю Надинду, берет ее за руку и они весело бегут через заросли на краю поляны к двум стреноженным лошадям, которые при виде них зажигательно ржут.

За кадром слышны ноты, безошибочно наводящие на мысль о сотовой связи.

...Из-за куста шиповника на поляну выходит крутой мэн с квадратными плечами, челюстями, глазами. Он проходит через поляну и начинает пробираться сквозь крапиву. В крапиве мэн спотыкается об оруженосца, лежащего в обмороке, закидывает оруженосца на квадратное плечо и несет че-

рез лес. С оруженосца спадают фуфайка, рукавицы, валенки, треух. Обнажаются маленькие ладони, узкие лодыжки, юные перси и мелированные волосы.

Крутой мэ́н с оруженосцем на плече выходит на объездную дорогу, на которой стоит шестисотый «Мерс» аквамаринного цвета. Кулисс (вернее, Кулисса) приходит в себя, запрыгивает в «Мерс», втаскивает туда крутого мэ́на и вырывает на дорогу.

Сержант ГАИ останавливает «Мерс» и высказывает мимикой свое легкое удивление необычным видом спутницы крутого мэ́на. Последний набирает какой-то номер на своем сотовом, говорит пару слов, после чего передает сотовый сержанту.

Сержант берет под козырек и отпускает «Мерс». Губы его беззвучно шевелятся. Титры: «Пользуйтесь сотовой связью. Она решит все Ваши проблемы».

Снова раздаётся трель сотового звонка. Камера долго ищет источник звука и наконец находит... скворца на проводах.

The end

Аргентинское танго

*По отражению в реке,
несмелой, трепетной рукой
я строю замок на песке —
воздушный замок над водой...*

Автор.

В пятницу Мирослава вернулась домой рано. Весна уже началась, но зелени еще не было, и пыль, витая в воздухе, набивалась в нос, оседала в волосах. «За целый день лицо неизвестно на что стало похоже!» – подумала она, как всегда, все сильно преувеличивая.

Лицо как лицо. Что-то в нем, правда, креольское: не то глаза, не то их выражение. Но ведь не смуглое – нет, совсем нет!.. Еще и веснушки.

У соседей Вадик барабанил «Собачий вальс». Чтобы заглушить это, она включила магнитофон. Поглотив кассету, он подозрительно загудел. Из блока питания быстро повалил коричневый дым. Мирослава испугалась и выдернула вилку из розетки.

Утром на остановке она встретила соседку и пожаловалась на бытовую аварию.

– Сдай в ремонт, – посоветовала соседка.

Мирослава скептически пожала плечами:

– Это старье ремонту не подлежит.

К их разговору прислушивался молодой человек, похожий на аргентинца. Троллейбуса все не было. Молодой человек предложил:

– Если хотите, я отведу Вас к очень хорошему мастеру. У него мастерская здесь недалеко.

За растерявшуюся Мирославу ответила соседка:

– Конечно, конечно.

Договорились встретиться в понедельник на этой же оставке.

В пятницу Леон пришел на работу не выспавшийся. Клиентов не было. В десять должен был прийти Макс, друг детства, – молодой, но уже известный юрист, имеющий устойчивую клиентуру и солидные перспективы.

В запыленное окно было видно большое озеро среди пологих холмов. Леон протер табличку над столом: «Nasz klient – nasz pan»⁴.

Вошел Макс. Леон взглянул на часы:» Действительно, десять.

Они закрыли двери и решили отметить встречу. Макс пожаловался Леону на усталость. Леон посоветовал:

– Отдых – смена деятельности. Отвлекись чем-нибудь.

– Чем?

– Ты готов к нестандартным решениям?

Макс кивнул.

⁴ «Наш клиент – наш господин»

– Побудь недельку у меня директором. Для солидности фирмы.

– Не понял. А кто у тебя обычно директор?

– Я, конечно. Но это как-то несолидно.

Максу идея понравилась. Он достал из дипломата бейдж советника юстиции и уселся за стойку в первой комнате.

В нише стола он увидел потрепанную книгу. Раскрыв ее на вложенном туда проводке, он прочитал:

«Усни, засыпай, дорогая.
Ты легкой скользнула тенью.
Еще ты не спишь, я знаю.
Ты где-то в ночи весенней.
Усни. Ты – одна на свете.
Твое не назвать мне имя.
Ты – словно прохлада летом,
Пристанище – ночью зимней.
Ты – счастья весенний ливень
и летнее утро в поле.
Шепни мне: «Усни, любимый».
Тоской без тебя я болен...»⁵

Леон снова глянул на часы и помчался к окну в мастерской. По кривой улочке, размахивая свободной рукой, быст-

⁵ очень вольное переложение автором рассказа стихотворения пана Галчинского «Kochanie moje, kochanie...» («Любовь моя, любовь...»)

ро шла какая-то креолка с полосатой сумкой. Пучок непослушных волос почти на макушке качался в такт шагам. Леон проводил ее влюбленным взглядом и вернулся к Максy. Креолка проходила здесь каждый день в одно и то же время. О существовании Леона она, конечно, не подозревала.

В субботу утром Леон вышел на остановку троллейбуса. Стоя в толчее и зевая в кулак, он увидел впереди полосатую сумку. Креолка разговаривала с невысокой женщиной. Леон пробрался поближе и встал за их спинами.

Речь шла о поломанном магнитофоне. Леон проснулся. Нерешительно обойдя вокруг них, он вздохнул и обратился к женщине:

– Извините. Я слышал, у Вас проблемы с бытовой техникой.

Креолка замолчала. Леон предложил свои услуги.

– Конечно, конечно, – ответила за креолку женщина.

В понедельник они встретились на остановке и пошли в мастерскую.

Макс уже сидел на месте. Леон вопросительно сказал, указывая на Мирославу:

– Я обещал помочь... Как Вы на это смотрите, шеф?

– Постарайтесь. Идите работайте, Леон. Фамилия? – обратился он к Мирославе.

– Koscinska.

– Имя, отчество?

– Мирослава Брониславовна.

Макс поводит ручкой над листом, лентясь писать.

– Оставьте Ваш магнитофон. Но учтите: быстро не получится. Нет запчастей. Свет отключают. Мастер очень загружен работой. Кроме того, у нас есть срочные заказы коллегии... мастеров. И вообще, в городе эпидемия; у мастера явные признаки температуры.

Мирослава, подозревая в его словах намек на дополнительную оплату, сказала с иронией:

– В таких условиях вряд ли вообще можно работать. А кто будет отвечать за качество? Коллегия? Нет уж, я спрошу с Вас, уважаемый... – она ткнула пальцем в бейдж на его груди, – Максимилиан.

«Советника юстиции» она не заметила.

– Пожалуйста, – он прикрыл глаза на порозовевшем лице и развел руками.

«Ну, Леон, привел скандалистку на мою голову!» – подумал Макс и бросил ручку.

Мирослава ушла, на пороге еще раз оглянувшись. Макс кукольно улыбнулся ей, и, едва захлопнулась дверь, повертел пальцем у виска.

– Леон!

Из мастерской показалось сияющее аргентинское чудо.

– А когда ты сказал ей прийти? – перламутровые белки Леона влажно блеснули.

– Через год! – заорал Макс. – Сам будешь разбираться со своей Кармен.

Через день магнитофон Мирославы был в полном порядке. Она, видимо, не спешила его забирать: беседа Макса подействовала. Уже три дня Леон торчал у окна, спрятав руки в карманы черного халата, и пялился на кривую улочку. Клиентов не было. Третий день шел дождь.

Макс читал газету и пил чай. Вдруг из мастерской раздался грохот падающего стула и тихий вопль; по гнилым доскам загрохотали быстрые шаги Леона.

– Идет!

Макс поставил стакан на тумбочку, взял в руки преЙскурант и рукой велел Леону убраться.

Мирослава, проскочив ступеньки, влетела в полутемную комнату:

– *Dzien dobry, panu. Jaka dzic okropna pogoda!*⁶

– А, то pani!.. *Dzien dobru*⁷, – ответил Макс, не отрываясь от преЙскуранта.

– Мой заказ готов?

Макс посмотрел на нее изумленно, как бы услышав непристойность.

– Я же Вам сказал: не спешите. Вчера не было света.

Мирослава покосилась на портьеру:

– А пан мастер уже выздоровел?

– Нет, – Макс удивился, потому что почти забыл об этом.

Мирослава отвернулась.

⁶ «Добрый день. Какая сегодня ужасная погода!»

⁷ «А, это Вы!.. Добрый день»

Портъера в мастерской дрогнула. Леон улыбался.

«Дитя природы», – подумал Макс и за спиной у Мирославы стал грести ладонью, пытаясь загнать Леона в мастерскую. Тот нехотя скрылся.

– Приходите завтра.

Назавтра в приемной была очередь. Мирослава встала за пенсионером в очках. Через пять минут из мастерской вышел Леон с темно-красным лицом и прошел к стойке, не глядя на очередь. Мирослава обрадовалась, что можно спросить, как идет ремонт, но Леон с таким же видом прошел мимо нее обратно, не поднимая головы.

Когда очередь разошлась, Макс посмотрел на подошедшую Мирославу и покачал головой:

– Да, плохи дела с Вашей техникой...

– Что-нибудь серьезное?

– Да. Там сгорела... презумпция.

– Да Вы что? И как теперь быть?

– Надо ехать искать запчасти.

Мирослава понимающе кивнула.

– Завтра?

– Да, приходите завтра. Или нет, лучше – послезавтра.

Она ушла.

Из-за портъеры вышел Леон.

– Ты бы еще сказал ей, что у лентопротяжки сомнительное алиби.

Послезавтра Макс решил провести следственный экспе-

римент. Он поставил в мастерской стул спинкой к выходу в приемную и велел Леону сесть. Леон сел, с интересом наблюдая, что будет дальше.

Макс посмотрел на него с сомнением:

– Нет, так ты снова все испортишь. Разувайся.

Леон разулся. Макс убрал его туфли под стойку. Оглядев мастерскую, он переставил маленький телевизор на подоконник напротив Леона и включил его.

– Сиди и смотри. Все.

Обойдя озадаченного Леона, Макс отодвинул портьеру в сторону, закрыл обе половинки двери со стеклянными вставками и замкнул их. Силуэт Леона хорошо просматривался сквозь рифленое стекло.

По ступенькам застучали каблуки. Макс сложил за спиной руки и встретил Мирославу суровым взглядом. Она, почуяв неладное, спросила:

– Что случилось? Мой магнитофон совсем сгорел?..

Макс прошелся по комнате и бросил:

– У Вас одна забота. Есть дела поважней. Мастера проверяют.

– Кто? – у Мирославы кровь отхлынула от сердца.

Макс сделал «страшные» глаза:

– КРУ.

Мирослава взялась за спинку стула.

– Да Вы присаживайтесь, – указал он ей на заранее при-

готовленный стул. Мирослава села и увидела силуэт Леона.

Макс впился в нее взглядом. Подозреваемую ее вид выдавал с головой. Он начал допрос.

– Ваш магнитофон – краденый?

– Что? – Мирослава не сводила глаз с силуэта.

Леон, услышав голоса, завертел головой, пытаясь оглянуться в стекло.

– Да... Нет... – Мирослава глянула на Макса, как на палача.

Леон изогнулся на стуле и прильнул глазом к стеклу. Мирославе показалось, что черный глаз ясно проявился между арабесками рифления.

Голос из телесериала сказал в тишине за дверью:

– Вам хорошо известно, чем караются подобные действия.

Леон, устав вертеть шеей, опустил голову.

Изнемогая от жалости и нежности и полностью игнорируя присутствие жестокого Макса, она встала и подошла к стеклу.

Услышав шаги, Леон повернулся и, едва не упав с шаткого стула, оперся ладонью о стекло. Мирослава, подозревая, что его уже приковали к стулу, медленно приложила свою ладонь к силуэту ладони Леона.

Макс решил, что допрос окончен, и громко сказал:

– Мастерская закрывается до окончания работы комиссии.

Мирослава, пряча мокрые глаза, пошла к выходу.

– Приходите в понедельник.

Она молча вышла.

В понедельник Мирослава прибежала к одиннадцати. Дернув дверь под жестяной крышей, она убедилась, что пришла не вовремя. Поискав глазами табличку, прочла время работы: «С 8.00 до 16.00. Перерыв с 12.00 до 13.00». Недоумевая, почему никого нет, она стала ходить мимо крыльца, тревожно выглядывая за угол дома и проходя обратно. Через полчаса со стороны короткого крутого проезда появился Леон. Увидев Мирославу, он отвернулся и судорожно вздохнул.

Она бросилась ему навстречу:

– Пан мастер! Вашего шефа нет!

Леон что-то пробормотал и стал отпирать дверь.

Мирослава вошла за ним.

– Готов мой заказ?

– Там осталось припаять пару диодов.

– Мне подождать? – Мирослава положила сумку на стойку.

– Да, пожалуйста. Только не здесь. Сюда сейчас придут... белить.

Мирослава забрала сумку и остановилась.

– Посидите в мастерской, – Леон уже отодвигал портьеру и ставил стул у своего стола.

Она вошла и села.

Он взял наугад с полки плату и стал сосредоточенно выпаявать какой-то резистор.

Мирослава посмотрела по сторонам. «Сколько хлама!» Леон молча паял. Она покачалась на стуле. Леон хотел сказать, что стул – не кресло-качалка, и она рискует; поднял глаза безо всякого выражения и уставился на нее. «Нахал!», – подумала Мирослава и спросила:

– Долго еще?

Леон молчал, припаявая резистор на место.

Мирослава встала и оттолкнула стул.

– Ничего себе порядки! Сначала я жду Вас полдня за дверью, потом у Вас оказывается ремонт, а теперь я вообще сижу здесь неизвестно зачем! Вы снова ничего не сделали. Я все поняла!

– Что Вы поняли? – Леону захотелось ей нагрубить.

– Все! Отдайте мой магнитофон, и я уйду. Хватит.

Леон встал, презрительно глядя на нее:

– Все?

– Да.

Они посмотрели друг на друга враждебно.

Леон опустил голову и качнулся к ее уху:

– Я очень устал. Я не спал всю ночь. Я только что приехал.

Мирослава глянула на него сочувственно:

– Я сама сплю на ходу.

«Это интересно», – подумал Леон.

Мирослава посмотрела ему в глаза и растерянно сказала:

– А... Максимилиан... болеет?

– У него жестокая ангина.

Мирослава закивала.

– До свиданья.

– До свиданья.

Она ушла.

Леон стоял посреди мастерской.

Через минуту дверь снова распахнулась, и вошла Мирослава.

– Пан мастер!..

Леон вежливо подошел.

– Когда мне прийти?

– Шеф должен сейчас звонить Я бы спросил у него, когда он привезет запчасти. Тогда определили бы срок.

Мирослава озадаченно молчала.

Леон предложил:

– Посидите еще немного; я спрошу, и определимся.

Она села.

Леон снова взял плату и стал выпаивать провода. Усмехнувшись, сказал:

– Знаете, у меня на старой квартире была соседка – дочь генерала. Она с утра до... утра играла гаммы. Спать было невозможно.

– У меня тоже соседский мальчишка иногда бренчит. Но это мелочи. Когда я сплю, я ничего не слышу. Но днем спать не хочется, а ночью не получается.

Леон молчал.

– Вот и выходит, что у меня один сплошной день – только то белый, то черный.

– Вам повезло: у меня сплошная ночь, только то черная, то белая.

Они посмеялись. Леон паял. Мирослава продолжала:

– Видите ли, меня кормит один автогонщик. За это я должна его очень поздно встречать и очень рано будить.

Леон оторвал проводок. В уме рисовался образ хищного шоферюги.

Она снова качнулась на стуле, явно забавляясь его досадой.

– Я могла бы рассказать Вам, что происходит между этими двумя моментами.

Краска поднималась по шее Леона, как уровень вина в граненом стакане. Шоферюга терзал безвольную Мирославу.

Выдержав паузу по системе Станиславского, она подождала, пока краска затопила голые уши и стриженую макушку.

– Но я Вам не скажу, потому что не происходит ничего.

Он отдал ей свой беспомощный взгляд. Она покачала его на ресницах и отбросила в сторону.

Шоферюга сгорбился и оброс белой бородой. Догадавшись об этом, Мирослава уточнила:

– Это Залесский.

Леон уронил паяльник.

Красавцу Валентину Залесскому было примерно двадцать семь. Он был известен своей филантропией и дерзкими авантюрами. О его личной жизни никто ничего точно не знал. Говорили, что он очень рано женился на ревнивой богатой старухе. Еще говорили, что после аварии в Познани Валентин стал сильно религиозен.

Мирослава встала.

– Ладно, мне пора. Я приду в понедельник.

В окне мелькнула ее стройная тень.

В понедельник, когда уже стемнело, Макс проходил мимо мастерской. В окнах горел свет. Макс поднялся по ступенькам и открыл дверь.

В приемной было пусто. Посреди стола валялась раскрытая книга регистрации заказов. На стойке лежала полосатая сумка.

Из мастерской доносились чарующие и всепобеждающие звуки аргентинского танго.

Макс прошел за стойку, пододвинул книгу регистрации и написал в графе «Принято»: «Adios, muchachos»⁸. Потом погасил свет, придавив выключатель, как клопа на обоях. Стараясь не шуметь, вышел на крыльцо под резной жестяной крышей, с которой свисали цепкие лианы дикого винограда.

Тонкий месяц пушинкой слетал с небес, догоняя светящуюся, как точка на радаре, звезду.

⁸ «Прощайте, ребята» танго http://cyclowiki.org/wiki/Adios_muchachos

Макс зачем-то открыл большой зонт, поднял его над головой и пошел по кривой улочке размеренным шагом солидного юриста.

Брошенный в небо осколки зеркал

*«Я,
брошенный в небо твоею рукой, —
я звезды не достиг, как ни рвался вперед.
Тайны я не постиг и тебя не настиг,
и теперь моя жизнь – это пепел и лед.*

*Весть придет в твое сердце из небытия,
опалит слезой твой таинственный взгляд.
В этой капле росы ты увидишь меня.
В небо брошен тобою я.
Светом нежной зари
обернется душа моя...»*

С. Г.

*«От созвездья,
что словно виноградная гроздь,
от Звезды, что словно слеза от счастья,
снизошел ко мне вчера несказанный гость
и приветствовал меня:
«Королева, здравствуй!»*

*И мечом своим, как лучом сверкающим,
он отсек тень мою от тела.
И душа моя, в вечном Свете тающая,
к вечной радости полетела.*

*Но последним взглядом, на Землю
брошенным,
я нашла того, кто во мрак закован,
и вошла к нему я земной, непрошенной,
и звала его душу небесным словом.*

*Но давно позабыл неземные тайны
пленник призрачной песни во мгле
ненастья.*

*Вспоминай меня, если будешь случайно
на Звезде, что словно слеза от счастья...*

Автор.

*«Мы были легендой, а стали притчей
во языцех...»*

Автор.

Ты был законным наследником престола – настолько законным, что после совершеннолетия тебе пришлось доказывать это силой... Кому? Своему родственнику Нуго, высокому, по-своему красивому (разве и ворон не красив?), совершенно не отягощенному никакими моральными запретами. Его власть была безграничной, он был твоим регентом. Это был непобедимый викинг Космоса. Он не боялся смерти, потому что был и остается вечным. Когда он смотрел мне в глаза, я слышала его мысли. Он смеялся над тобой (может быть, поэтому не спешил тебя уничтожить), смеялся над

моей любовью. На твоём челе сиял не золотой венец (да ты ведь и был ещё только принцем), а венец нашей Звезды. Твои волосы ещё искрились звездной пылью. Он, Hugo, был силен и настойчив, мы были светлы и невесомы. Он хотел, чтобы я и он, мы вдвоём с ним владели миром, который он создал. Это значило принести тебя в жертву и отдать свою душу в рабство. В конце концов Hugo уничтожил нас, но пока кто-то из нас помнит хоть что-то, мы живы.

Может быть, мы не всегда поступали так, как хотелось бы историкам и моралистам. Официальные версии исторических событий всегда были ложью. Тот, кто их сочиняет, не заботится о любви и ненависти, которые волнуют людей и подвигают их совершать эти самые «события».

Нам очень хотелось быть вместе, но до твоего совершеннолетия это было невозможно без согласия регента. А кто знал, дожил бы ты до двадцати одного года?.. Это и было решающей причиной, по которой я согласилась бежать с тобой на берег моря и дальше – на твой маленький корабль.

Перед отплытием, на земле, мы с тобой ушли на скалы и там, перед лицом звезд сказали друг другу то, что дважды не говорят. Что бы ни было дальше, эти слова для меня святы.

Корабль плыл вдоль диких берегов. И сама я была дикаркой, хотя и любила тебя. Много же времени прошло с тех пор; сколько раз надо было потерять тебя, чтобы теперь, здесь, быть с тобой такой, какой надо было стать тогда...

Только теперь я это понимаю. Только теперь я не боюсь сказать, что люблю тебя, что хочу быть с тобой. Я поняла, что любить – значит не владеть, а принадлежать.

...Нашли нас не так уж скоро, но с большим шумом. Нашла нас Айна, твоя кормилица. Она любила тебя до безумия и не простила мне твоего исчезновения. Явились все: регент со свитой и половина двора. С тобой обошлись ласково: наследник! Со мной – преувеличенно-почтительно. Взглянув в глаза Нуго, я поняла, что мы в опасности, но ты моим словам не придал ровно никакого значения.

В замок нас провожал почетный кортеж, больше похожий на конвой. Потом наступило затишье. Ты открыто сопровождал меня повсюду, ничуть не скрывая свои чувства. Нуго тебя вроде бы даже поощрял, но я слышала, как звенит сталь в его взгляде. Ты ничего не хотел слышать об опасности. Тогда уже мне стало холодно и я с тоской вспоминала Звезду, где я была свободной... Но я любила тебя, и свершалось чудо, которое дарует победу – слабому, удачу – глупому и любовь – тому, кто ее не ценит... Но счастлив любящий. Он спасет и спасется.

Потом все произошло очень быстро. Под предлогом развлечения для наследника, нашедшегося таким чудесным образом, устроили великолепную охоту. «К сожалению, Джиневра не сможет сопровождать тебя, она проводит нас, стоя у окна!» Да, дорогой, ты проезжал под окном, нежно улыбаясь своей Джей, а я стояла у решетчатого окна, и щиколот-

ки мои были уже скованы цепью, а спину под левой лопаткой до крови царапал кинжал того, кто крепко держал меня за левую руку. Лучник за выступом башни смотрел мне в глаза, а ты был беззащитен перед этой стрелой.

Что было потом? Ко мне пришел Нуго, и нетрудно угадать, какой ценой я могла бы купить себе жизнь, но тебе – смерть. Я молчала. Тогда меня отдали толпе – на публичное покаяние. Это была базарная площадь. Меня везли сквозь орущую толпу в железной клетке, босиком, со свечой в руке. У свечи был какой-то дурманящий запах. Воск капал мне на пальцы, но я это только видела – не чувствовала. Я молчала и молилась. Потом меня втокнули в ограду башни Хильды. Мне чудился какой-то вой из башни. Было очень жарко. Мне были слишком хорошо видны столб и цепи. Я должна была громко произнести: «Отрекаюсь...» Я молчала. Я видела в толпе Нуго, он улыбался, отклонив маску.

И тогда со мной произошло что-то странное. Жизнь души необъяснима. Были случаи, когда человек, имея возможность спастись, убежать, оставался на месте и добровольно шел на смерть. Что-то похожее случилось со мной. Я вдруг увидела площадь, захваченную адским вихрем; увидела поток ненависти, клубящийся у башни Хильды. Что я сделала этим людям? Чем обидела их? Я любила весь Божий мир, я пришла на Землю с миром.

Что-то в душе моей погасло и умерло, пока я стояла перед теми воротами к смерти. Мне было все равно, что сделают

со мной, я как бы оцепенела. Только бы скорее!..

И это было бы (или было?), if! Откуда-то взялся ты, но было уже поздно. Я уже была там, понимаешь? Я уже сторала в душе своей, и это пламя преследует меня, бывает, и сейчас.

Не помню, как мы оказались где-то на траве за воротами Замка. Ты опоздал. Душа моя получила рану, которая едва не стала смертельной. Все, что обрушилось на меня: обвинение в колдовстве, чтобы быть с тобой; покаяние, казнь – хоть и не состоявшаяся, но достигшая цели! – все это надломило меня. Я не хотела больше ничего, не хотела жить, не хотела видеть тебя. Меня все сжигал тот костер. Я пыталась убежать куда-то, спрятаться. Это было безумие. Ты опоздал.

Но ты любил меня. Ты разыскал свою беглянку, ты все время был со мной. Ты нежно выводил меня из мрака безумия, из огня страха. Это продолжалось долго, до осени. И однажды я проснулась утром и... сошла с этого несгорающего костра в моем мозгу. Ты спас меня. И первое, что я помню после всего этого кошмара – это твои глаза, которые стали как-то темнее и глубже, и слезы в них...

Брошенный в небо. Продолжение осколки зеркал

*Сном ли было – в светлом зале, в нише у окна
мы вдвоем с тобой стояли. Там была весна.
Шепот нежен и неясен, юный друг – влюблен.
Как недолог и прекрасен этот милый сон!
Вдалеке над старой башней
ласточки вились.
Это был мой сон вчерашний.
А, быть может, – жизнь?..*

Автор.

А ты помнишь, откуда взялся шрам на твоей правой щеке? Бородка наполовину его скрывала потом, но память осталась. О чем? О ком...

Коротышка Роб – он был рыжим и голубоглазым; кроме того, он был левшой. Это был твой вечный соперник: сначала в играх, потом – в турнирах, охоте, беге, стрельбе – и, между прочим, не всегда оставался побежденным. Он был ловок, как обезьяна, и довольно умен. Только вспыльчивость временами сводила его с ума.

Ты не был с ним осторожен – только и всего. Может, потому, что был сильнее. А он подстерегал каждый твой шаг, знал о тебе все и ревностно следил, как ты все выше восходишь в своей силе и власти.

Нуго не использовал его в своих замыслах просто потому, что Роб был отчаянно нетерпелив и дерзок; он мог испортить любой план раньше времени сорвавшейся с языка торжествующей угрозой.

Однажды весной в День Огня на королевских торжествах вы с ним затеяли шуточный турнир на цветущей поляне: ты, смеясь, отражал его удары, становившиеся все яростней, а он злился, снова и снова пускал коня галопом, преследуя тебя. Дело было накануне его свадьбы, и белокурая Рис стояла тут же, глядя на свое свирепое сокровище.

В конце концов бой разгорелся нешуточный. Ты ранил его, оцарапав висок. И вкус крови, заструившейся по лицу, совсем опьянил Роба. Дико вскрикнув, он прищпорил коня и налетел на тебя. Но ты все же был сильнее. И к тому же, наконец, понял, что драка идет всерьез. Одним движением ты сбил его на землю. Роб упал под копыта собственного коня, и конь ударил его в спину. Все произошло в какие-то секунды. На поляне все так же весело горел костер, за деревьями мелькали нарядные одежды, совсем близко пели в хороводе жрицы огня. Рис бросилась к Робу. Ты оглянулся на меня, и в глазах были боль и растерянность.

Он выжил, – он вообще был очень живучим, – но остался горбуном на всю жизнь. Рис стала дичиться меня, уходила надолго в лес, потом пропала совсем, и только иногда в лесу слышали протяжные песни, а на ветвях деревьев находили венки, сплетенные из алых цветов. Гордость не позволила

Робу жениться, он надолго исчез из наших краев, и о нем понемногу забыли.

Однажды зимней ночью я проснулась среди тревожной тишины. Слабый свет очага бродил по стенам. Ты спал, сведя во сне тонкие брови, и как будто силился что-то сказать. Мне чудилось какое-то движение – бесшумное, но стремительное. Вдруг завеса у ложа колыхнулась. Вне себя от ужаса, я закричала. Что-то большое и темное навалилось на тебя, но ты уже проснулся и мгновенно стал защищаться. Все же Робу (а это был он) удалось в яростной борьбе оцарапать ножом твое лицо. Ты ранил его и он, заскулив, как зверь, убежал. Минуту спустя весь замок был освещен факелами, наполнился топотом, криками и звоном оружия, но Роба не нашли. Только утром на снегу стали видны кровавые следы, уводившие в лес.

Но это еще не все.

У тебя остался шрам, вид которого тебя очень мучил, хотя ты и не признавался в том. Ты мог поплатиться жизнью, а отделался шрамом. Главное – ты был жив. Ты стал носить бородку, и шрам наполовину скрылся, а ты, несмотря на свою молодость, выглядел, как зрелый воинственный король.

И это еще не все.

Роб сам сделал несчастными и себя, и Рис. Она всегда ждала его там, в лесу. Она любила его – и таким, каким он был, и каким стал. Если бы он это понял! Но им овладели гордость и звериная ярость. Только Бог может смягчить та-

кие сердца!..

И Бог смягчил его сердце.

Когда завоеватели с континента быстрым маршем, не без помощи Нуго, продвигались к замку, ты был далеко, замок почти не охранялся. Первым узнал об этом Роб – случайно, по неосторожности Нуго. И Роб – несчастный, искалеченный в бою с тобой Роб, помчался на своем полудиком коне ночью, не разбирая дороги, за тобой. Но не он принес тебе весть об опасности. Он на бешеном скаку сорвался в каменистый овраг и, плача от бессилия, умирал, мешая слезы с кристальной водой журчащего ручья, который сверкал, отражая звезды. На рассвете его нашла Рис, но спасти его уже не мог никто. Он умер у нее на руках. Она достала его нож, и они оба навсегда остались в этом овраге. Над ними возшло кроваво-красное солнце, как последний сплетенный Рис венок.

Перед смертью они все простили нам: простили наше счастье и свое несчастье. Прости и ты его. Пусть упокоит Господь их души на небесах.

Жорж и Катя

романтический детектив

*«События редко предают правое дело»
А. Дюма. «Сорок пять».⁹*

С утра начался обычный рабочий день. Жорж сидел один в маленькой лаборатории и читал газету.

Скрипнула дверь. Он быстро убрал газету и встал. Посреди лаборатории стояла незнакомая Жоржу девушка в белой кроличьей шубке.

– Здравствуйте. Меня прислали к Вам из отдела кадров.

– А Вы – кто, позвольте узнать?

Он наклонил голову набок; прямой нос придавал ему вид журавля.

Она посмотрела на него снизу вверх честными серыми глазами с сиреневым отливом и ответила:

– МОП. Будем знакомы.

– Кто?.. – не понял он.

– Младший какой-то там персонал. Лаборантка! – видя его непонимающие глаза, уточнила она.

– А зовут-то Вас как?

– Дарья Алексеевна, – церемонно ответила она, делая ста-

⁹ ru.wikipedia.org/wiki/Сорок_пять

рательный детский реверанс.

– Очень приятно. Жорж, – скромно отрекомендовался завлаб.

С появлением Даши в лаборатории стало шумно и весело. С утра до вечера на разные голоса чирикало радио. Жорж не очень любил этих «радиоактивных» ребят, но молчал. Даша одна создавала видимость многолюдства, как электрон, существующий в движении.

Порученную работу она выполняла быстро и точно. Жорж ничего не мог возразить, когда видел, что из-за стола выглядывает яркая обложка журнала или очередной детективный том.

В присутствии Даши неторопливый, основательный Жорж чувствовал себя почти что бессловесным штативом, который, хотя и необходим в лаборатории, но не достоин никакого внимания, наравне со стеллажами и стеклянными шкафами вдоль стен.

Зима прошла.

Белую занавеску на окне пронизывало яркое майское солнце. В открытую форточку врывался свежий ветер. Над окном громко щебетали птицы.

Порывом ветра толкнуло и распахнуло дверь. Со стола, зашелестев, разлетелись бумажки. Даша от неожиданности уронила пробирку.

Жорж поднял голову:

– Дарья Алексеевна! Прошу Вас, постарайтесь быть более внимательной на работе.

Даша закрыла дверь, сложила бумажки и убрала с пола осколки пробирки.

Жорж снова посмотрел на нее:

– До конца рабочего дня осталось пять минут. Вы, конечно, забыли составить свой личный творческий план.

Даша глянула на Жоржа с сожалением.

– Я, например, – продолжал Жорж, – никогда ничего не забываю. Не то, что некоторые.

– Вы? – не выдержала Даша. – Да Вы сами все путаете и забываете. Вчера Вы поставили в холодильник кофеварку, вместо реторты. Хорошо, что я вовремя увидела.

Жорж сердито замолчал.

Даша продолжала:

– И никакой Вы не Жорж.

Он опустил голову.

– У Вас в личном плане написано: Костин А. И. Что это значит?

– Вот и отгадайте, что это значит, – Жоржа заело.

– Запросто: Андрей, Александр, Алексей. Арнольд... Аскольд... Адольф. Антуан, Асланбек... Аладдин!..

Жорж победно молчал.

– Ну, и пожалуйста.

Даша взяла сумочку, пропечатала паркет мимо Жоржа

каблукками и хлопнула дверью.

Высунувшись из-за двери, она прошипела:

– Артаксеркс несчастный!

Жорж засмеялся.

Прозвище «Жорж» он получил за исполнение под гитару старой песенки из репертуара Клавдии Шульженко:

Жорж и Катя развлекались в час декабрьской поры:
на санях они спускались с ледяной большой горы.
И, когда летели лихо санки вниз, момент настал:
Жорж коварный тихо-тихо Катю-чмок! – поцеловал.
Катя страшно растерялась и не знала, как ей быть:
может, ей так показалось: мог и ветер пошутить.
И ему сказала робко, вверх поднять не смея глаз:
«Я б хотела с этой горки прокатиться еще раз...»

Даша не знала, что в институте за глаза все уже давно зовут ее Катей.

Теперь Даша из принципа стала называть его только «шеф». Жорж не возражал.

Ближе к лету Дашу отправили в отпуск без оплаты. Лаборатория опустела.

После обеда в лабораторию стремительно вошла профорг Люся с неизменной тетрадкой в руках.

– Привет.

– Здравствуй, Люся.

– Жорж, ты завтра поедешь со мной на встречу с нашими французскими коллегами в пресс-центр. Кроме тебя, некому ехать. От нас нужно два человека.

Жорж отрицательно помотал головой. Зная его упрямство, Люся не стала уговаривать, но обиделась:

– Никакой от вас помощи. Заработались совсем! Подумамай.

Она бросила тетрадку на стеллаж так, что звякнули пробирки, и вышла.

Жорж подошел к стеллажу и открыл секретную тетрадь. На левой стороне в столбик перечислялись фамилии сотрудников; на правой – приводились их адреса.

Жорж поискал глазами Дашу. «Симонова», – прочел он слева и проследил строку вправо. Строки справа и слева не совпадали; он прочитал приблизительно напротив название улицы: Солнечная. Дом 1 кв.14. «Ну, да; конечно, она и должна жить на Солнечной, или на Звездной, или, в крайнем случае, на Кометной. Я бы не смог поверить, что ее дом находится на Красноказарменной», – подумал Жорж и несколько раз повторил адрес.

Вошла Люся. Молча взглянув на Жоржа, уткнувшегося в микроскоп, она забрала тетрадь и вышла.

Даши уже три дня не было на работе. На четвертый день Жорж заскучал.

Солнечная находилась не более, чем в двух часах езды на автобусе, метро и снова автобусе. Это были мелочи. Жорж

подошел к заросшему жасмином подъезду, когда солнце опускалось за теплые крыши, как оранжевый парашют.

Пешком добравшись до верхнего этажа пятиэтажки, он огляделся. На площадке было тихо. С третьего этажа вслед Жоржу еще лаял из-за двери какой-то огромный пес.

Жорж вздохнул и нажал кнопку звонка у элегантной черной двери. Звонok прозвучал отчетливо и ясно. Никаких больше звуков из-за двери не последовало. Жорж постоял и позвонил еще. Тишина. Праздничное настроение улетучилось. Он сделал шаг к лестнице, потом оглянулся, снова подошел к двери, потер пальцем по густому слою побелки на стене и нарисовал на коричневой панели большую букву «А». Отряхнув от мела палец, он быстро сошел вниз и уехал домой.

Отпуск начался весело. Даша ездила в гости, звонила подружкам и шила себе необыкновенное платье потрясающего фасона.

Прошло уже три дня. Все было хорошо, но чего-то не хватало. Или кого-то. На четвертый день она примерила готовое платье. В зеркале над воздушным ворохом воланчиков сияли грустные сиреневые глаза. Она обула туфли, взяла сумочку и поехала в свой корпус, надеясь успеть к концу рабочего дня. Если повезет, можно как бы случайно выйти из автобуса, когда Жорж уже будет стоять на остановке.

– Ах, какая встреча! Вы ли это, Жорж?

– Даша, Вы чудесно выглядите. Без Вас в лаборатории стало так грустно. Я скучал.

Ну, уж этого он никогда не скажет. Даша посмотрела в окно и рассеянно улыбнулась.

Выйдя на пустую площадь у корпуса, она поняла, что автобус с сотрудниками института только что ушел.

Разочарованно пройдя через сквер до конечной остановки, она снова села в тот же автобус, на котором приехала, и отправилась домой.

Подойдя к двери, она нашла в сумочке ключ и вдруг застыла. Большая буква «А» сияла мелом на чистой синей панели. «„А“? – подумала Даша. – Но ведь не Жорж...» Она повернула ключ в замке. «Не Жорж, – она улыбнулась. – Конечно, – Артаксеркс!» Она приблизила лицо к загадочной букве. «Так, проведем анализ. Палец явно больше моего».

Сторонница эксперимента, она не удовлетворилась умозаключением и провела по панели черту пальцем, вымазанным побелкой. Черта получилась раза в полтора тоньше, чем у автора буквы. «Это написал мужчина. Движения резкие, уверенные. Перекладина буквы съезжает вниз – он был чем-то огорчен. Все ясно. Это был Жорж».

Она ушла в квартиру и стала считать, сколько дней осталось до выхода из отпуска.

Во сне она улыбалась.

На следующий день, в пятницу, она поехала в корпус днем.

Открыв дверь в лабораторию, Даша застыла на пороге, ожидая поразить Жоржа своим цветущим видом и неожиданностью появления. Жорж молчал. Вскользь взглянув на Дашу, он отвел глаза и стал подкручивать гайку штатива. Даша вошла и села за свой стол.

– Здравствуйте, шеф.

Он кивнул.

– Как работа?

– Как обычно, спасибо, – он все так же смотрел чуть в сторону.

– Шеф, у Вас пальцы в мелу, – резко сказала Даша, глядя на Жоржа в упор.

Он нерешительно глянул на свои стерильные руки в перчатках. Лицо его чуть покраснело.

– Помнится, раньше Вы восхищались моим почерком. Считайте, что я подарил Вам автограф, – с некоторым вызовом ответил он.

– Ну да, конечно, теперь мне придется выпилить кусок стены и поставить на балконе, как памятник! – Даша с грохотом задвинула ящик стола, встала и ушла.

В понедельник Даша, по совету подруг, отправилась на самый дальний рынок. Промучившись целый день, она везла домой две полные сумки картошки, морковки и лука. Начал-

ся проливной дождь. В стареньких босоножках плескалась вода. Руки были заняты, и мокрые волосы облепили лицо и шею. За шиворот текло. Юбка прилипла к коленям и мешала идти.

Рядом раздался бодрый голос:

– Даша, Вы ли это? Вы чудесно выглядите. А я уже скучаю.

Жорж взял у нее сумки и пошел рядом. Даша вспомнила о букве «А» и отвернулась, выжимая из волос воду.

В автобусе ей пришлось стоять на задней площадке, чтобы не связываться с кондуктором из-за своего вида. Жорж старался заслонить ее от любопытных взглядов. Скоро она сказала:

– Следующая остановка – моя. Привокзальная.

– А Вы разве живете на Привокзальной? – невинно спросил Жорж.

– Ну да.

– И давно? – голос Жоржа прозвучал уже игриво.

– Всю жизнь! – торжественно объявила Даша, удивляясь, что он так плоско шутит.

Жорж смутился.

Они вошли в подъезд, заросший сиренью, поднялись на верхний этаж. Даша открыла светло-фиолетовую, с узорами, дверь. Жорж вошел за ней, неся сумки.

Добравшись, наконец, домой, Даша быстро привела себя в порядок и приготовила ужин. Жорж бродил по комнате,

читая названия на корешках книг и переговариваясь с порхающей Дашей. На стене он увидел гитару.

Оба проголодались. Ужин съели с молодым аппетитом.

Жорж настроил гитару. Даша чинно села на диван, приготовившись слушать. Тронув струны, Жорж тихо запел, волнуясь:

«...Надо как-то развлекаться в час декабрьской поры;
стали вновь они спускаться с ледяной большой горы.

И, когда летели лихо санки по снегу скрипя,
Жорж сказал ей тихо-тихо: «Катя, я люблю тебя».

Катя снова растерялась – не могла никак понять:
может, ей так показалось, вот и ветер был опять...

И ему сказала робко, вверх поднять не смея глаз:
«Я б хотела с этой горки прокатиться еще раз».

Даша покраснела. Жорж продолжал:

«Надо как-то развлекаться в час декабрьской поры.
Стали вновь они спускаться с ледяной большой горы.

И, когда летели лихо санки по снегу стрелой,
Жорж сказал ей тихо-тихо: «Катя, будь моей женой».

Катя тут не растерялась, хоть и ветер был большой.
Покраснела, засмеялась и сказала: «Хорошо!»

Прижав струны ладонью, он посмотрел на Дашу. По ней было заметно, что сейчас польются сиреневые слезы. Она встала, подошла к нему и несмело погладила его пепельно-мягкие волосы...

Аркадий Анкер спешил. Белоснежные манжеты к вечеру несколько потеряли утреннюю свежесть, но шоколадный костюм ловко облегал его длинную фигуру, не стесняя вкрадчивых движений. Щеголеватые туфли припорошились пылью дальних странствий.

Анкер был бродячим продавцом лекарств. В его «дипломате» их было неисчислимое множество: от средств против насморка до таинственных пилюль, прибавляющих уверенности в завтрашнем дне.

Аркадий вошел в подъезд. Постепенно поднимаясь по этажам, он работал с переменным успехом. Оставался пятый этаж.

Из-за двери справа слышались крики и брань. Слышалось битье посуды. Аркадий не рискнул, однако, предложить жильцам успокоительную микстуру и осторожно позвонил в тихую квартиру слева.

После кашля и старческого шарканья раздался тонкий голос:

– Кто это?

– Бакалавр медицины, – Аркадий приосанился.

Дверь приоткрылась. Маленький старик в меховом жилете смерил его с ног до головы оценивающим взглядом.

Аркадий начал свою обычную программу. Исполнив ее вдохновенно и с блеском, он не увидел на лице старика ничего, кроме вопроса: «Сколько?»

Все же старик пригласил его войти и привел на кухню.

Артистично жестикулируя тонкими белыми пальцами и сверкая печаткой червонного золота, Аркадий мягко, но настойчиво предлагал свой товар. Разноцветная горка перед стариком росла. Аркадий умолк. Приближался момент оплаты.

– Где гарантия, что это не отравлено? – язвительно спросил старик, мигнув круглыми глазами.

Аркадий почти потерял терпение.

– В конце концов, яды в малых дозах лекарственны.

Старик не унимался:

– Яды и лекарства – две большие разницы. Что Вы мне предлагаете? Откуда я знаю?

Аркадий уже видел деньги в цепких сухих руках. Старик сделал вид, что хочет отодвинуть от себя упаковки и баночки.

Аркадий решился.

– Дайте воды.

Взяв стакан, он начал выхватывать наугад таблетки из разных упаковок и заглатывать их, словно пеликан. Старик не сводил с него внимательных глаз. Наконец, он протянул Аркадию деньги. Аркадий молча взял бумажки и, подавляя мерзкую отрыжку, вышел из квартиры на площадку.

Старик высунулся из двери за ним, глядя на него немигающим взглядом.

Аркадий задержался на площадке и спросил, шелкнув ногтем по светло-фиолетовой, с узором, двери в центре:

– Кстати, кто здесь живет? Забота о здоровье людей – мое призвание.

Старик небрежно ответил:

– А, Даша... Молодая, глупая.

Звонок не работал. На стук никто не вышел. Аркадий обмахнул длинный холеный палец в побелку и намалевал на синей панели свой коронный «вензель» – нагло-уверенную букву «А», хотя она и вышла немного поникшей. Своей фамилией Аркадий гордился с детства. Это был древний род мастеров часовых дел. «Вензель» завтра, в пятницу, должен был напомнить ему, где искать потенциального клиента.

Несмотря на то, что большая часть его товара была просто крашеным мелом в яркой упаковке, вечером у Аркадия началось устойчивое расстройство желудка.

Он зарекся ходить в этот подъезд и даже дом.

Интервью на рынке

– Добрый день, здравствуйте! Свежо по утрам, не так ли?

– Ч-ч-ч...

– Будьте здоровы! Газета «Курьез», опрос общественного мнения. Как Вы оцениваете работу местных властей?

– Ч-ч-ч!..

– Да бросьте Вы! Теперь все можно. Валяйте громче!

– Ч-ч-чайные ложки!!! Недорого!

Жертва моветона

«Цап-Царап сказал Мышке:

вот какие делишки:

мы пойдём с тобой в суд,

я тебя засужу.

И не смей отпираться,

мы должны расквитаться,

потому что все утро

я без дела сижу.»

И на это нахалу

Мышка так отвечала:

«Без суда и без следствия,

сударь, дел не ведут!»

«Я – и суд, я – и следствие, —

Цап-Царап ей отвечает. —

Присужу тебя к смерти я,

тут тебе и капут!»

Л. Кэррол, «Приключения

Алисы в Стране Чудес»¹⁰

Римма смотрела по телевизору высокую моду. Белый кот Маркиз лениво дремал у нее на коленях, позволяя перебирать свою персидскую шерсть.

Мышь была изящной и утонченной натурой. Элегантность и высокая мода всегда волновали ее. Теперь Мышь выбралась из норы и сидела совсем на виду. В комнате, каза-

¹⁰ ru.wikipedia.org/wiki/Алиса_в_Стране_чудес

лось, царила атмосфера поклонения хорошему вкусу.

Вдруг Римма увидела Мышь. «Маркиз! – взвизгнула она и вскочила на кресло, уронив тяжелого кота на пол. – Все сюда, скорее!»

Маркиз залез под кресло. Обиженная Мышь с достоинством перешла в маленькую спальню.

Дедушка вооружился шваброй, бабушка – веником, мама – мухобойкой. Римма надела кожаный передник и перчатки. По ее знаку началась облава. Все закричали на разные голоса.

Мышь, в ужасе от этой какофонии, метнулась к двери и взбежала по ноге Риммы. Римма взяла верхнее ля. Мама споткнулась и упала, сбив с ног орущую Римму. Бабушка, отбросив веник, кинулась их поднимать. Дедушка со шваброй застрял в дверях.

Маркиз с презрением смотрел на эту глупую суету. Фыркнув, он обошел веник на полу и побрел в сад.

Никто не сомневался, что серая злодейка погибла в сутолоке. Однако тела ее не нашли.

...В темной норе тихо умирала одинокая Мышь. Верхнее ля Риммы стало последней каплей, добившей измученную безвкусными крайностями душу.

«Жди меня в пресветлом граде...»

*«Давай, мой друг, с тобой поговорим.
Поговорим о чем-нибудь хорошем.
Сегодня я со временем не в ссоре,
оно нас терпеливо подождет.
Я десять тысяч раз скажу тебе,
что я люблю тебя.
Я не могу, мой друг, тебя обнять.
Здесь речи не идет о поцелуях.
Все, что осталось у меня, – лишь голос мой.
Он грустно-нежен, но не безнадежен.
Но будет время – только взгляд безмолвный
к тебе я обратить смогу украдкой.
Потом наступит время – только мысль
пошлю к тебе, тебя благословляя.
И будет время, что меня не станет.*

Автор.

Поезд «Красная стрела» стальной иглой прошивал морозную ночь, оставив позади Москву. Далекый Петербург спал.

Марина проснулась от холода. Поезд стоял. В купе было темно. Она выглянула в окно. На станцию непохоже. Под зеленоватой луной светлело поле.

Чувствуя, что замерзает окончательно, Марина обмотала шею мохеровым шарфом, накинула пальто и села на своей нижней полке, на место номер один. Из коридора не доносилось ни звука. Немного погодя она надела шапку из дико-

винного зверя россомахи и отодвинула тяжелую скользющую дверь купе. Вагон тоже был первым после тепловоза. Марина, похлопывая варежками, заглянула в открытое купе проводника. Там было пусто. «Что за «Летучий голландец!», – подумала она.

Где-то хлопнула дверь. Марина прислушалась. Со стороны тепловоза уже явственно раздались быстрые шаги. Дверь в вагон клацнула, и вошел заспанный рыжий проводник. Увидев Марину, он, не дожидаясь вопроса, раздраженно ответил:

– Ну заснул он, заснул!

– Кто? – не поняла Марина.

Проводник посмотрел на нее, как на таракана в солонке, и рявкнул:

– Машинист, кто!

У Марины внутри похолодело.

– Где мы находимся? – робко спросила она.

– До Бологого чуть не доехали, – он уже почти успокоился.

«Московский милый говорок», – подумала Марина и повернулась, чтобы уйти. Проводник, решив загладить грубость в начале беседы, сказал ей вслед миролюбиво:

– Заморозил все... Вы не волнуйтесь, скоро поедем.

Она сказала «угу», зарывшись носом в шарф, и пошла в свое купе.

Скоро поезд дернулся, как связанная лошадь; примерзшие колеса лязгнули и застучали все быстрее и быстрее.

В Бологом под окнами слышны были топот, ругань и крики. Станционное начальство выяснило, что молодой машинист пьян. Срочно искали замену.

Под утро поезд, дав протяжный гудок, подошел к Петербургу. Медленно вполз на дальний путь и шумно дохнул мехами тормозов.

Марина не спеша вышла в безветренную зимнюю ночь, прошла всю длинную платформу и направилась к метро.

В пустой электричке предупредительный голос на каждой остановке сообщал: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...»

«...Лесная», – услышала дремлющая с открытыми глазами Марина.

Была суббота. Одинокие шаги разбудили дежурного на станции; он поднял голову и почти сразу снова уронил ее на руки.

На улице уже было заметно приближение утра. Навстречу попадались люди; где-то слышались позывные «Маяка». Марина шла в студгородок, в университетскую гостиницу.

Небо понемногу светлело. В Петербурге Марине думалось стихами.

«...Идти рассеянно-небрежно
Среди домов, как башен снежных,
Туда, где высь алеет нежно
И отцветают фонари...»

Устроившись в гостинице, она поехала на кафедру. Слушание ее доклада наметили на конец недели. Завтра намечался совершенно свободный петербургский день.

С утра Марина отправилась в центр. Как обычно, вышла из метро на площади Восстания, где ее встретил бравый духовой оркестр, и пошла по Невскому, радуясь возвращению в любимый город. Судьба складывалась так, что последние восемь лет ее жизни были связаны с Петербургом.

«...Венецианские каналы,
И у дверей – слепые львы.
В окне на занавеси алой —
Тень от склоненной головы.
Высоких окон вид парадный,
И под окном – трамвай нескладный...
Молчит торжественный гранит,
И сфинкса тень на нем лежит.»

Привыкшая на своих степных просторах к далеким пешим прогулкам, Марина любила ходить по Петербургу одна, находя неизвестные еще уголки; словно открывая новые черты на знакомом и любимом лице.

Задумавшись, она дошла уже до Аничкова моста, невольно захваченная ритмом общего движения разноязычной и пестрой толпы. В чистом небе сверкало солнце. Морозный воздух теплел над оживленной улицей.

Оставив слева громадные крылья Казанского собора, она

миновала Зимний и вышла к Адмиралтейству. Возвращаться не хотелось. Пройдя Дворцовый мост, Марина побрела вдоль набережной. Здесь было почти пустынно. На искристо-белом льду вдали виднелись паруса «Кронверка».

Военно-морской музей оказался закрытым. Ростральные колонны высились победно и внушительно.

С набережной заснеженные ступени сходили на усыпанный легким сухим снегом лед. Безмятежно сияло полуденное солнце.

Марина прошла по ступенькам вниз. Тут стала видна узкая тропинка, теряющаяся в перспективе далекого острова.

Марина посмотрела на цветущие игольчатым инеем кусты, на силуэт Петропавловской крепости вдали; ступила на лед, ничем не отличающийся от берега, и не спеша пошла по тропинке.

Дальше от берега звуки стихли; белая пустыня тишины окружила ее со всех сторон.

Вдруг среди безмолвия раздался звук, похожий на урчание большого зверя в подземелье. Почти сразу послышался тяжелый скрип, закончившийся треском: как будто огромный камень распался от сильного жара.

В темной водоворотно-сильной глубине под ногами, скрытой обманчиво сверкающим на солнце снегом, происходила борьба. Лед стонал и скрипел; казалось, тропика качается, словно канатный мостик. Марина остановилась.

Со стороны уже близкого слева «Кронверка» раздался

крик. Марина, боясь отвести глаза от тропинки, медленно повернула голову. Из дверцы на корме кто-то, одетый во все белое, размахивал чем-то блестящим. «Кок с поварешкой, наверно», – бледно улыбнувшись, подумала Марина. Он что-то кричал, но слов не было слышно. Прикинув расстояние до «Кронверка» и глянув на близкую уже крепость, она двинулась на остров, заглушая стоны под ледяной коркой скрипом снега. Лед глухо отзывался ее шагам, словно ледяной помост. Уже были различимы камни крепости. На льду стояли тонконогие высокие таблички. Обойдя одну из них, она оглянулась и прочла: «Выходить на лед строго запрещается». «А входить?» Она чувствовала себя птицей, прилетевшей из безвоздушного пространства. На границе с берегом, словно горы битой стеклотары, высились громадные торосы. Прохода не было. Вернуться назад было невозможно. Обдирая руки и скользя, она стала карабкаться по беспорядочно нагроможденным острым кускам серого льда. Выбравшись на узкую полоску земли между крепостной стеной и торосами, она не представляла, как попадет в крепость. Сообразив, что где-то должен быть причал или хотя бы проход, она пошла по сползающей к воде узкой дорожке вокруг крепости. Действительно, скоро в стене показался просвет. В крепости прогуливались люди, слышались голоса экскурсоводов. Маленькая толпа во главе с девушкой в короткой шубке стояла напротив прохода. Увидев Марину, появившуюся со стороны непроходимой Невы, все обратили к ней недоуменные

взгляды. Марина прошла сквозь толпу, стараясь не шуметь и как можно более походить на привидение.

«А может, я зря паниковала? Мороз сегодня хороший». Она беспечно вышла на мостик, по которому нормальные люди попадали в крепость, и посмотрела вниз.

Там, в широкой дымящейся паром полынье плавали шустрые разноцветные утки...

Доклад прошел хорошо. Рецензенты дали положительные отзывы. К воскресенью все основные дела были закончены. На будущей неделе оставалось зайти в отдел аспирантуры и встретиться с секретарем секции.

В воскресенье у Марины не было особого желания путешествовать по льду. Остаться в шумной гостинице тоже не хотелось. Экскурсии по магазинам откладывались на последние дни, исходя из реального остатка средств.

Марина не спеша оделась, выпила чаю с ароматной булочкой. Маленькую кондитерскую она нашла еще в свой прошлый приезд.

В солнечном небе плавали белые кудрявые тучки. От Гостиного двора, зарешеченные арки которого делали его похожим на Колизей, она медленно пошла мимо выставки модернистских картин на улице. Двое ребят под гитару пели задиристые песни. На другой стороне на ступеньках отчаянно жестикулировал проповедник с микрофоном, в шнуре которого он все время путался. За сигналами машин проповедь

его сливалась в бурный поток неразборчивых слов.

Марине хотелось тишины. У предварительных касс она свернула влево и почти сразу вышла к Исаакиевскому собору. На площади стояла вереница экскурсионных автобусов. Марина перешла площадь наискосок и пошла по длинной пустой улице с переходящими один в другой фасадами домов.

Бело-голубой храм сверкнул пятью золотыми куполами. Марина прошла сквозь заснеженный сквер с чугунными якорями на тумбах ограды. В храме было сумеречно и тепло. Над круглыми подсвечниками качались язычки густо поставленных свеч. Шла служба. Марина любила этот собор, найденный ею в одну из ее дальних прогулок.

Из алтаря вышли служители в сверкающих одеждах, с высокими горящими свечами. Священник в белоснежной, искрящейся радугой, митре стоял в алтаре. Огромного роста дьякон поднял орарь тремя перстами и громогласно возгласил ектению.

Косые лучи солнца из верхнего окна прояснились, выходя из светлого облака, и прорезали пространство под куполом. Засеребрились оклады. Из полумрака проступили резные кисти винограда на раме старинной иконы. Солнце и свечи слились в одно золотое сияние.

После службы Марина обошла знакомые иконы, прикладываясь к ним и всматриваясь в благодатные лики святых.

Шумно вошла экскурсия. Марина, неся в душе, как в ма-

ленькой чаше, незамутненное озерцо тишины, незаметно вышла в сквер. Солнце стояло почти над колокольней. Потом оно станет клониться к орлу, сидящему на высоком каменном памятнике погибшим морякам.

Почти одновременно с Мариной из храма вышла седая женщина в сером берете. Простая и вместе с тем благородная осанка выдавала коренную петербуржку.

– Простите, – обратилась она к Марине.

Марина повернулась к ней.

– Как, однако, жаль, когда люди приходят в храм, словно в музей, – не так ли?..

Марина сдержанно склонила голову.

– Приезжие... Совсем замучили: нигде нет от них покоя!..

Нас уже меньше осталось, чем этих чужеземцев.

Марина привыкла, что в Петербурге ее часто принимали за свою. Себе она объясняла это своей незаметностью, даже серостью. Жители северного края были просты без внешних эффектов, тогда как южане сразу бросались в глаза своей, часто безвкусной, яркостью. К тому же, за долгое время общения с любимым городом она невольно приняла на себя его отпечаток, и даже речью не выделялась из местных.

Глядя в глаза женщины, Марина легко улыбнулась:

– Должна Вас разочаровать: я приезжая.

Брови женщины поднялись, у нее вырвался чуть слышный вздох. Наконец, она улыбнулась в ответ:

– Извините. Но у Вас здесь родственники?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.